

Нужная кнопка не работала — Игаль выяснил это уже после того, как створки лифта закрылись и вошедшие вместе с ним стали поочередно тыкать указательным пальцем в панель управления, словно обвиняя ее в чем-то недопустимом. В случае Островского обвинение оказалось небезосновательным: кабина проигнорировала семнадцатый этаж, как будто его не существовало вовсе. Вернувшись в огромный вестибюль, Игаль с трудом нашел прилавок консьержа-охранника.

— Кнопка не работает? — радостно переспросил тот. — И не должна работать! Сначала нужно подняться на четырнадцатый и пройти направо до конца, до двери с надписью «Этаж № 17».

— Семнадцатый этаж на четырнадцатом? — удивился Игаль. — Это что-то новенькое.

— Ничего новенького. Это проход к внутреннему лифту. Встанешь перед камерой, позвонишь, они и откроют... — консьерж подмигнул всем лицом и добавил свистящим шепотом: — Или не откроют, это уж как им заблагорассудится...

Заблагорассудилось открыть. Внутренний лифт был тесен и скрипуч; на выходе из него Игаля встречал озабоченный серолицый мужчина в роговых очках, мятой рубашке

и слишком коротких брюках с подтяжками. Для полноты картины ему не хватало разве что нарукавников.

— Господин Островски? — серолицый дождался утвердительного кивка и протянул гостю мягкую, бескостную на ощупь ладошку. — Очень приятно. Меня зовут Шимон. Пройдемте, нам сюда.

В комнате Шимон кивнул Игалю на стул, одиноко стоявший посередке, а сам забрался в высокое кресло на колесиках по ту сторону старомодного, с дерматиновым покрытием стола.

— Садитесь, господин Островски... Или правильной будет доктор Островски? Или даже профессор Островски?

— Можно просто по имени.

Игаль сделал инстинктивную попытку придвинуться поближе к собеседнику, но стул, жалобно скрипнув, остался на месте. Хозяин кабинета сочувственно наблюдал за происходящим с высоты своего насеста.

— Привинчено, — скорбно подтвердил он. — Мне и самому неудобно, но ничего не поделаешь — правила...

Два месяца тому назад associate professor Хайфского Техниона доктор Игаль Островски получил предложение включиться в проект одного из самых серьезных предприятий Авиационного концерна. Заранее предупрежденный о повышенном уровне секретности, он был тем не менее поражен устрашающим видом анкеты, которую ему прислали на дом со специальным курьером. Объем ее измерялся даже не чудовищным количеством граф, а чудовищным количеством глав. В другое время Игаль просто отказался бы от затеи, обусловленной подобным бюрократическим издевательством, но в том-то и дело, что время выпало необычное. Надвигался шабатон — так называемый «субботний год» — год свободы от повседневной рутины лекций

и лабораторной поденщины, год расширения научных горизонтов и поиска новых, интересных, неизведанных тем.

В принципе, можно было махнуть в какой-нибудь из престижных университетов в Англии или за океаном, куда его давно звали, но сын как раз ушел в армию, в боевую пехоту, и Игалю с женой не хотелось оставлять парня одного на попечение бабушки, которая и сама, честно говоря, нуждалась в некотором присмотре вследствие скачущего давления. Кто будет встречать солдата в дни отпусков, кормить домашним обедом, стирать форму, пропахшую родным потом и армейским бытом? Кто будет ревностно отслеживать выпуски новостей, ловить слухи и перезваниваться с мамами сыновних сослуживцев? Кто будет бодрствовать по ночам, охраняя мальчика родительской молитвой? В общем, нет, не получалось ни Кембриджа, ни Стэнфорда.

Зато проект Авиационного концерна обещал заманчивый практический опыт прямо здесь, под боком. Новейшие композиционные материалы, невиданная геометрия крыла, щедрое финансирование, испытания в реальных условиях... Оценив открывающиеся перспективы, доктор Островски счел за благо взять под уздцы естественное недовольство и скрепя сердце приступил к заполнению анкеты. Процесс растянулся на несколько дней: потребовалось поднимать уйму старых документов, делать фотокопии, вспоминать забытые даты забытых событий, испрашивать рекомендации друзей и знакомых, формулировать обтекаемые фразы автобиографии.

И вот теперь один из экземпляров анкеты лежал перед серым лицом очкастого короткоштанного Шимона и, судя по весьма потрепанному виду, был уже не только изучен вдоль и поперек, но и успел не раз послужить подставкой для чашки чая или стакана кофе...

— Чай? Кофе? — словно подслушав мысли доктора Островски, проговорил Шимон. — Там в углу чайник, кофе, пакетики... не стесняйтесь. А я пока освежу, так сказать, в памяти...

На тумбочке в углу рядом со стопкой пенопластовых одноразовых стаканчиков стояли банки с молотым кофе, сахарным песком и чайными пакетиками. Единственной ложечке выделили персональный стакан — как видно, вследствие ее критической важности. Судя по запаху — вернее, его отсутствию, — кофе выдохся два-три десятилетия тому назад.

— Что ж вы банки-то не привинтили? Еще украдут... — пошутил Игаль, включая чайник. — Вам тоже налить? Сколько-сколько?

— Ложечка черного — ложечка сахара, — откликнулся хозяин кабинета, переходя на гладкий, почти без акцента, русский. — Что же вы фамилию-то не поменяли, Игорь Сергеевич?

— Фамилию? — удивленно повторил доктор Островский, оборачиваясь с драгоценной ложечкой в руке. — Да, фамилию не поменял. А надо было?

Шимон благожелательно смотрел на него поверх очков.

— Ну, если уж начали с имени... С точки зрения министерства внутренних дел, это одна операция. Типа скидки — два по цене одного.

Игаль пожал плечами.

— Видите ли, «Игорь» тут произносят неправильно, с ударением на второй слог и без мягкого знака в конце. Получается совсем другое имя — Егор. Поэтому считайте, что переименование — то или другое — мне практически навязали. С фамилией такой проблемы не было. И смысл у нее вполне еврейский, в отличие от варяжского «Игоря».

Островский — выходец из Острова. Это довольно известное местечко на Волыни. Тамошняя йешива когда-то славилась на всю Польшу. Ну и еще — память о деде.

Следователь опустил взгляд к анкете и перевернул несколько листов.

— Ваш дед, Наум Григорьевич, он же Нохум Гершелевич Островский, родился 1 мая 1897 года в городе Бобруйске Минской губернии, четвертый сын меламеда Гершеля и его жены Двойры. Я правильно читаю?

— Абсолютно верно. Ваш кофе.

Вернувшись к стационарному стулу, Игаль за неимением иного варианта поставил свой стаканчик на пол.

— Судя по автобиографии, он вам особенно дорог. Это действительно так или слегка преувеличено?

— Скорее, приуменьшено, — улыбнулся доктор Островски. — Дед — самый важный человек в моей жизни. Он практически заменил мне отца.

— Ваши родители развелись?

— Они никогда не женились. Мой биологический папаша бросил мать, едва узнав о ее беременности. Я его практически не знал.

— Не знали? — Шимон снова пошуршал страницами. — Почему вы говорите о своем отце...

— ...биологическом отце, — поправил Игаль. — Я уже сказал, что считаю своим реальным отцом Наума Григорьевича Островского.

— Хорошо, принимается. Почему вы говорите об этом биологическом отце в прошедшем времени? Как следует из анкеты, Сергей Сергеевич Смирнов пока еще жив.

— Видимо, да, жив. В первый и последний раз я виделся с ним восемь лет назад перед отъездом в Израиль. Он подписывал документ об отсутствии претензий.

— Гм... — хмыкнул Шимон. — Восемь лет назад... Откуда тогда известно, что он еще жив? Сейчас ему должно быть... секундочку... 68 лет. Возраст смертный, по российским понятиям.

Игаль кивнул.

— Вы правы. Но после нашего очного знакомства он повадился присылать мне поздравительные открытки на день рождения. Прислал и в этом году. Следовательно, господин Смирнов скорее жив, чем мертв.

— Ага... — Шимон многозначительно покачал головой. — То есть контакт сохраняется...

— Да нет же, — с досадой проговорил Игаль. — Повторяю: с моей стороны нет ни желания, ни контакта. Он присылает открытки, я их выбрасываю — вот и все. Это абсолютно чужой человек — как мне, так и маме, которая вообще слышать о нем не желает.

— А как они вообще познакомились — Смирнов и ваша мама Нина Наумовна? Она ведь преподавательница, так?

— Так. Мама преподавала философию в одном из московских технических вузов.

— Марксистско-ленинскую философию, — уточнил следователь. — Как это у вас называлось — истмат, диамат...

— Другой философии в СССР не было, — развел руками доктор Островски. — Бабушка работала в той же области. Семейная традиция.

— Хорошо. А Смирнов? Он тоже преподавал марксизм?

Игаль покачал головой.

— Не знаю. О биологическом отце со мной соглашалась говорить только бабушка, но она умерла в шестьдесят четвертом, когда мне едва исполнилось пять лет. Я остался с мамой и дедом, а для них Смирнов был запретной темой. Они вспоминали о нем крайне редко и лишь когда

ссорились. Насколько я понял, в наш дом его привел именно дедушка. Дед тогда работал в инязе, вел семинары по итальянскому. Думаю, Смирнов прилепился к нему там, в институте.

— Прилепился? Зачем?

— Послушайте, Шимон, откуда мне знать? Я тогда еще не родился. Предполагаю, что речь идет о весьма распространенной ситуации. Любимый преподаватель, способный студент или даже аспирант... Эти отношения нередко продолжают и за стенами аудиторий — в домашних гостиных и кабинетах. Ну а в гостиной разливает чай двадцатилетняя профессорская дочь. Дальше понятно: мама увлеклась. Она ведь деда всегда боготворила и наверняка переносила часть этого обожания на все, связанное с ним, в том числе и на его учеников. Вот вам и завязка романа. Повторяю: это только моя версия, хотя и довольно правдоподобная.

Шимон задрал очки на лоб и потер глаза обеими руками.

— Да, действительно правдоподобная, — признал он, — что свидетельствует о вашей логике и способности восстанавливать ход событий. Похвально, Игорь Сергеевич, очень похвально.

— Спасибо за комплимент, — улыбнулся Игаль. — Специалисту по сопротивлению материалов без логики не обойтись. Расчеты на прочность, знаете ли, требуют...

— А коли так, — бесцеремонно перебил его следователь, — мне трудно поверить, что вы даже не догадываетесь о роде занятий вашего отца... пардон, биологического отца. Какие-то соображения ведь должны быть?

Доктор Островски рассмеялся и погрозил собеседнику пальцем.

— Пойман, пойман молодец на цветистый леденец! Да, вы опять правы. Есть кое-какие соображения. Но учтите —

исключительно в виде версий. Я уже упоминал о том, что перед отъездом приносил Смирнову документы об отсутствии претензий. Мы встретились у него в квартире. Так вот, судя по некоторым деталям, мой биологический отец отслужил в армии. Вряд ли он вышел в отставку генералом, но где-то в ранге полковника — вполне возможно.

— Почему?

— Я ж говорю — судя по мелким деталям. Старый китель на вешалке. Марка наручных, видимо, наградных часов. Форменная рубашка. Всевозможные финтифлюшки, которые обычно встречаются в сервантах и на письменных столах отставников: щиты и мечи на подставке, вымпелы, гильзы и прочая армейская бижутерия.

Шимон удовлетворенно кивнул.

— Ну вот, теперь картина более-менее ясна... — он помолчал и, вздохнув, добавил: — Но только более-менее. Неужели вы не использовали эту возможность, чтобы поговорить с папой, пусть и всего лишь биологическим? Все-таки плоть от плоти... Неужели вам не интересно, чем родной человек живет, чем дышит, есть ли у него семья, дети... Как ни крути, а речь идет о ваших кровных братьях и сестрах. Уж они-то ни в чем не виноваты, правда? Отчего бы тогда не спросить, а, Игорь Сергеевич?

— Хватит, господин Шимон! — прервал его Игаль, начиная раздражаться. — Можете мне не верить, но я не задал Смирнову ни одного вопроса. Повторяю: я не желаю иметь с ним ничего общего, за исключением самого необходимого. Именно такую необходимость — первую за тридцать лет моей жизни и, надеюсь, последнюю — представляли во время отъезда справки о претензиях. Я пришел к нему, получил подпись и ушел. Точка. Конец контактов. А его дурацкие

открытки значат для меня не больше, чем рекламные флаеры, которые десятками засовываются в почтовые ящики каждую неделю. Вы наверняка тоже получаете рекламные флаеры, господин Шимон, так? Конечно, получаете. Значит ли это, что вы контактируете с продавцом собачьей еды, изготовителями кухонь или курсами художественного плетения корзин? Нет, не значит.

— Не сердитесь, Игорь Сергеевич, — мягко проговорил следователь. — Я вас прекрасно понял. Давайте оставим пока эту явно болезную для вас тему...

— Да никакая она не больная! — снова перебил доктор Островски. — Мне просто больше нечего добавить, а вы клещами продолжаете вытаскивать из меня домыслы и фантазии.

— Ну уж и клещами, — усмехнулся Шимон. — Клещи, а также другие инструменты такого рода давно запрещены постановлением Верховного суда. Хотя иногда они весьма и весьма пригодились бы...

Игаль молчал, насупившись и в который уже раз жалея, что ввязался в эту авантюру. В конце концов, на Авиационном концерне свет клином не сошелся. Наверняка найдутся в Стране и другие клиенты, пусть и не такие богатые и многообещающие. Может, прямо сейчас встать и уйти, послав куда подальше этого серого очкарика — пусть бежит по известному адресу, мелко перебирая ножками в коротких штанишках... Вот только, похоже, с этого этажа просто так не уходят — всюду кодовые замки, причем не только снаружи, но и изнутри.

Тем временем следователь сосредоточился на теме профессии доктора Островски, и тот вздохнул с облегчением. Здесь, в научной области сопротивления материалов,

заведомо не было места домыслам и фантазиям, а чтобы заставить Игалья врасплох заковыристым вопросом, требовалось обладать как минимум третьей академической степенью. Подавляющее большинство однокашников по институту терпеть не могли сопромат, а вот ему никогда не было скучно в мире ребер жесткости, несущих балок и сложных расчетов на прогиб. Любой материал, от шелковой ткани до нержавеющей стали, с детства казался Игорю живым телом. Там, где другие видели тряпку или деревяшку, он различал сопряжение мышц, сетку волокон, сцепление сухожилий, трепещущий комок плоти. Неудивительно, что ему не составило особого труда поступить в аспирантуру, защититься и остаться на кафедре, а по приезде в Страну уже через полгода вписаться в преподавательский состав Техниона.

Вот и теперь, в деталях расписывая серолицему следователю свои прошлые и нынешние проекты, он искренне не понимал, как можно откровенно клевать носом, слушая столь увлекательный рассказ. Шимон, со своей стороны, обладал поистине безграничным терпением, если смог в течение двух часов выслушивать пестрящую специальными терминами лекцию о расчете прочности стенок духового шкафа. Но, видимо, есть границы и у безграничного: в какой-то момент несчастный очкарик счел, что душевное здоровье дороже, и прервал доктора Островски на полуслове.

— Хватит? — переспросил Игаль. — Почему хватит? Я еще не закончил. Если брать в расчет модуль упругости второго рода...

— Довольно! — простонал следователь, срывая с носа очки. — Эта тема на сегодня закрыта! Закрыта!

— Ну, как хотите. Но учтите: я еще и половины не рассказал.

— В другой раз! — за стеклами очков промелькнуло выражение нескрываемого ужаса. — В другой раз! А пока мне хотелось бы вернуться к вашему деду Науму Григорьевичу. Надеюсь, о нем вы будете говорить с неменьшим энтузиазмом.

— Конечно, — кивнул Игаль. — Этому человеку я обязан всем. По сути, он меня вырастил и воспитал. Его уход из жизни — самый тяжелый удар, который мне пришлось когда-либо перенести. Мне было тогда шестнадцать...

— Вы упомянули его работу в Институте иностранных языков...

— Да, дедушка поступил туда сразу после реабилитации в 1956 году. В принципе, он мог бы и не работать: государство выплачивало ему персональную пенсию союзного значения как герою Гражданской войны в Испании.

— Сколько он просидел?

— Восемнадцать лет. И не где-нибудь — на Колыме. Арестовали по ложному обвинению в конце тридцать седьмого, выпустили в пятьдесят пятом. Представляете? Засадить на восемнадцать лет героя интербригад! Впрочем, сталинский террор никого не щадил...

Шимон сочувственно покачал головой.

— Да, в те годы чего только не случилось... — он снял очки, положил их на стол и озадаченно почесал в затылке. — Игорь Сергеевич, если позволите, мне хотелось бы воспользоваться вашей наблюдательностью и умением выстраивать правдоподобные версии. Не возражаете? Это напрямую касается вашего деда.

Игаль пожал плечами.

— Что ж, давайте попробуем.

Следователь снова водрузил очки на нос и пристально воззрился на доктора Островски.

— Итак, ваш дедушка, герой Гражданской войны в Испании, скончался в 1975 году в Москве. Будем считать это фактом.

— Что значит «будем считать»? Это факт.

— Ладно, факт. А четырьмя годами раньше здесь, в Израиле, скончался пожилой господин по имени Ноам Сэла. И это тоже факт... — Шимон выдержал паузу. — Вы спросите, при чем тут Ноам Сэла? А при том, отвечу я вам, что погибший получил это имя взамен прежнего — правда, в отличие от вас, он сменил еще и фамилию. В этом пока нет ничего необычного. Объяснения требует другое: при рождении Ноама Сэлу звали Наумом Григорьевичем, вернее, Нохумом Гершелевичем Островским, и, согласно документам, произошло это рождение первого мая 1897 года в городе Бобруйске Минской губернии, и был он четвертым сыном меламеда Гершеля и его жены Двойры. Что скажете, Игорь Сергеевич? Согласитесь, мы не могли не удивиться, прочитав точно такие же данные в этой вот вашей анкете.

Следователь приподнял пачку исписанных рукой Игалья листков, подержал на ладони, словно взвешивая их значимость, и бросил назад на стол.

Доктор Островски смотрел на него непонимающим взором.

— Подождите, — сказал он. — Что вы хотите этим сказать? Что возможны такие совпадения?

— О каких совпадениях вы говорите, Игорь Сергеевич? — вздохнул Шимон. — Какие совпадения? Добро бы еще только имя, отчество и фамилия, но ведь и место рождения, и дата, и описание родителей, и даже почетное прошлое героя Гражданской войны в Испании! Таких случайных совпадений не бывает, Игорь Сергеевич. Один из этих

ныне покойных людей — фейк. Обманщик, самозванец, присвоивший чужую биографию. Вопрос лишь — кто? Наш тель-авивский Ноам Сэла или ваш московский дедушка? И если второе, то кем тогда считать его внука, то есть, извините, вас?

Игаль молчал, потрясенный услышанным.

— Ну как, есть версии? — поторопил его Шимон и, не дождавшись ответа, продолжил: — Давайте поступим так. Вы сейчас возвращайтесь домой, подумайте хорошенько, вспомните прошлое — авось и всплывет что-нибудь. Впрочем, почему я говорю «авось» — наверняка всплывет. И тогда сразу же звоните, не стесняйтесь. Вот вам моя визитка. А мы пока поищем по своим каналам.

Доктор Островски не помнил, как спустился в вестибюль. Бессмысленно проторчав там некоторое время, он обнаружил, что забыл, где припарковал машину. По логике вещей она находилась на подземной стоянке, но где именно? На каком этаже? Слева или справа от лифта? В поисках пропажи ему пришлось, задыхаясь от жары и выхлопных газов, последовательно обойти едва ли не все забитые автомобилями уровни. Затем, выезжая, он задел то ли бампером, то ли крылом колонну и даже не остановился посмотреть на размер ущерба. Подобного конфуза с ним, дядей самых строгих правил, не случалось еще никогда.

Игаля более-менее привело в чувство лишь равномерное прямолинейное пиление по знакомому каждому своим метром береговому шоссе, что, в общем, могло послужить еще одним доказательством незыблемости физических законов, которые полагают движение такого рода аналогом состояния покоя. Хотя до полного душевного покоя, подчиняющегося, как видно, совсем другой физике, Игалю было еще очень и очень далеко.

Он сказал следователю, что дед заменил ему отца, но эта расхожая формулировка вряд ли исчерпывала глубину их уникальной, беспрецедентной дружбы. Отношения отца

с сыном всегда в той или иной степени отравлены подспудным соперничеством, заложенным самой природой семейного, стайного бытия. Взрослый сильный мужчина не может не реагировать — пусть даже неосознанно — на угрозу, исходящую от торопливо подрастающего молодняка, который рано или поздно вытеснит его с законного места во главе иерархии.

Каждый справляется с этим по-своему. Кто-то калечит мальчика жесткими рамками требований и наказаний, желая максимально подавить волю преемника и тем самым хоть ненадолго отодвинуть срок неминуемого поражения. Кто-то, напротив, тешит себя приятной иллюзией, вообразив в сыночке продолжение себя самого, что представляется папаше ответом на вызов смерти, столь же, впрочем, неминуемой, как и поражение. Между этими двумя крайностями — непримиримой борьбой на уничтожение и добровольной заведомой капитуляцией — лежит целое поле вариантов совмещения обеих стратегий. Неизменны в этом извечном танце лишь страх смерти, кроющийся под покровом отцовской любви, и ревнивая агрессия, зреющая под покровом любви сыновней.

Зато дед... О, с дедом Наумом не требовалось соперничать ни за маму, ни за место под солнцем. Он был, скорее, союзником Игора в потенциальной схватке с отцом, никогда не виданным, но от этого еще более страшным. Отец, о котором в семье не говорилось вообще, незримо присутствовал там, постоянно напоминая о себе горькими складками вокруг материнского рта, двусмысленными умолчаниями в разговорах, многозначительными намеками, упреками, слезами. Кроме того, ничто так не способствует разгулу воображения, как запрет думать о чем-то. Если товарищи мальчика по детскому саду и младшим классам